
Идеальный треугольник
МОНА МУР
18+

Мона Мур

Идеальный треугольник

«Литнет»
2026

Мур М.

Идеальный треугольник / М. Мур — «Литнет», 2026

❤# ГОРЯЧАЯ ИСТОРИЯ 18+ ❤# МЖМ ❤#«Люди - это нестабильный материал. Они трескаются, гниют и не подлежат реставрации. Так я думала, пока не согласилась на заказ в особняке «Воронье гнездо». Моя задача была простой: снять слой штукатурки и спасти фреску конца XIX века. Но под вековой пылью оказалась замурована тайна рода Фабер - и лица двух мужчин, которые наняли меня. Братья-близнецы. Две стороны одной бездны. Максимилиан - холодный архитектор. Он выстраивает вокруг меня стены, подчиняет правилам и обжигает льдом своего контроля. Александр - безумный художник. Он крушит мои барьеры, пачкает кожу краской и втягивает в свой чувственный хаос. Больше века назад их предки уже разорвали одну женщину на части. Братья боятся повторить этот кошмар, но их одержимость сильнее страха. Они не предлагают мне сделать выбор. Они хотят обладать мной вдвоем. Они забыли лишь одно: я не покорная муза из прошлого. Я - реставратор. И если их сломанный мир трещит по швам, я заставлю обоих играть по моим правилам. В тексте вас ждут: • Двое властных, одержимых близнецов (Лед и Огонь) • Сильная, профессиональная героиня, берущая инициативу в свои руки • Напряженная детективная линия и родовые тайны • Чувственные, эмоциональные и откровенные сцены МЖМ • Остроумные пикировки и эстетика искусства • Гарантированный ХЭППИ-ЭНД для всех троих Ограничение: 18+

© Мур М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Скальпель и растворитель 5
Глава 2. Пигмент на голой коже 8
Глава 3. Чертеж и импровизация 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Глава 1. Скальпель и растворитель

Старый «Вольво» недовольно заурчал, когда колеса соскользнули с асфальта на гравийную аллею, заросшую бурым мхом. Дождь хлестал по лобовому стеклу с упорством заправского кредитора. Ева сжала руль так, что побелели костяшки пальцев, и посмотрела сквозь пелену воды на то, что риелторы с завидной фантазией назвали бы «родовым поместьем с потенциалом».

«Воронье гнездо»

Особняк напоминал химеру, рожденную в бреду безумного зодчего: угрюмая викторианская готика с острыми шпилями и узкими окнами-бойницами была грубо, почти насильно скрещена с брутальными кубами из темного монолитного бетона. Острые углы, сырой камень, стекло и холодный чугун.

Красиво?

Безусловно.

Опасно?

Чертовски.

Ева заглушила мотор. Тишина навалилась мгновенно, прерываемая лишь стуком капель по крыше.

- Просто работа, - вслух сказала она своему отражению в зеркале заднего вида. – Отставить волнение! Всего три месяца и шестизначный гонорар…

Отражение посмотрело на нее с легким скепсисом. За последние полгода Ева научилась филигранно прятать синяки под глазами за плотным тоном, а разбитое сердце - за тугими водолазками и идеальной осанкой. После того, как ее бывший жених и по совместительству научный руководитель аккуратно присвоил грант и переехал в постель к молодой аспирантке, Ева сделала вывод: люди - это крайне нестабильный органический материал. Они гниют, трескаются и не подлежат реставрации.

Другое дело - старая темпера и известковая штукатурка. Камень по крайней мере честен в своем разрушении.

Подхватив тяжелый кожаный саквояж со скальпелями, лупами и химикатами, Ева накинула капюшон плаща и взбежала по широким ступеням крыльца. Дверь из мореного дуба распахнулась до того, как ее палец коснулся массивного бронзового кольца.

На пороге стоял мужчина.

Первое, что бросилось в глаза, - его идеальная, почти противоестественная выверенность силуэта. Темно-серый шерстяной костюм сидел на нем так, словно был отлит из того же бетона, что и крыло особняка. Ни единой складки. Плечи хищника, холодные серые глаза оттенка мокрого сланца и густые темные волосы, зачесанные назад с педантичной строгостью.

Ему было около тридцати пяти. От него пахло дорогим сухим табаком, кедром и абсолютным, не терпящим возражений контролем.

- Ева Морозова? - голос оказался низким, глубоким, с легкой вибрацией, от которой у нее вдоль позвоночника пробежал неприятно-жаркий холодок.

- Можно просто Ева. А вы, полагаю, Максимилиан Фабер?

- Для вас - мистер Фабер, - сухо отрезал он, даже не сделав попытки изобразить приветливую улыбку. Он шагнул в сторону, освобождая проход. - Вы опоздали на семь минут. В контракте указано время прибытия - ровно шестнадцать ноль-ноль.

- На трассе размыло участок дороги, мистер Фабер. Природа не читала ваш регламент.

Макс окинул ее быстрым сканирующим взглядом: от промокших ботинок на толстой подошве до рассыпавшихся из-под капюшона рыжеватых прядей. В его взгляде не было чело-

веческой заинтересованности, скорее оценка прочности несущей конструкции. Но от этого осмотра под тонкой тканью свитера у Евы вспыхнула кожа.

- Пройдемте. Я покажу вам объект и объясню правила, - бросил он, разворачиваясь на каблуках.

Они шли по длинным полутемным коридорам. Шаги Евы глухо отдавались от каменных плит, а его поступь была почти бесшумной. Особняк внутри выглядел как музей чьих-то незавершенных амбиций: сводчатые готические потолки соседствовали с открытыми вентиляционными коробами и стальными балками.

- Поместье проектировал мой прадед, - бросил Макс через плечо, не замедляя шага. - Я занимаюсь его реконструкцией. Моя цель - соединить исторический скелет с современной функциональностью. Без лишней сентиментальности.

- Сентиментальность вообще плохо держит нагрузки, - заметила Ева, разглядывая обнаженную кирпичную кладку.

Макс на мгновение притормозил и покосился на нее через плечо. В его серых глазах мелькнула тень интереса, тут же скрывшаяся за маской льда.

- Рад, что мы сходимся в терминологии.

Они вошли в огромный двухсветный зал. Воздух здесь был влажным и пах мелом, вековой пылью и чем-то острым, химическим. Огромные стрельчатые окна выходили в одичавший парк. В центре зала возвышались массивные строительные леса, упирающиеся в глухую торцевую стену.

Стена была сплошь покрыта грубой, серой, растрескавшейся штукатуркой XIX века. Кое-где виднелись пробные расчистки - темные пятна, похожие на глубокие раны.

- Вот ваша задача, - Макс указал рукой на стену. - Фонд считает, что под слоем викторианской мазни сохранилась фреска *конца девятнадцатого* века. Предположительно - школа итальянских мастеров, бежавших на север. Ваша цель - расчистить центральный регистр, укрепить грунт и подготовить отчет в срок не более девяноста дней.

Ева подошла к лесам, поставила саквояж на пол и прикоснулась ладонью к шероховатой поверхности стены. Стена была ледяной, но под пальцами чувствовалась скрытая вибрация старого камня. Реставраторский инстинкт, спавший последние месяцы, отозвался резким уколом адреналина.

- Штукатурка нанесена на казеиновой основе, - пробормотала она, проводя пальцем по трещине. - Снимать придется механически, слой за слоем. Никаких агрессивных растворителей. Это ювелирная работа. Одно неверное движение и мы потеряем авторский левкас.

- Поэтому вам и платят сумму, превышающую ваш годовой оклад в институте, - холодно парировал Макс. Он подошел ближе, встав за ее правым плечом. От него веяло сухим жаром, резко контрастировавшим с холодом зала. - Теперь правила. Первое: восточное крыло закрыто. Там ведутся конструктивные работы, находиться там опасно. Второе: жилая зона - второй этаж западного крыла. Ваша комната готова. Третье: работаете с восьми утра до семи вечера. Ночью в зале свет не включать.

- А если вдохновение нагрянет в полночь? - Ева обернулась. Расстояние между ними сократилось до полуметра. Макс был выше ее на голову и ей пришлось запрокинуть подбородок.

- Оставьте вдохновение для поэтов, мисс Морозова. Здесь ценятся дисциплина и соблюдение протокола. И последнее: не трогайте то, что не можете оплатить.

Ева медленно перевела взгляд с его жестких, четко очерченных губ на потолок прямо над его головой, где по серому бетону новой перемычки змеилась свежая тонкая трещина.

- Если следовать этой логике, мистер Фабер, вам стоит выселиться из собственного дома прямо сейчас. Судя по напряжению в той балке, ваш расчет нагрузок дал сбой.

На секунду в зале повисла звенящая тишина. Слышно было только, как за окном крупные капли дождя бьют в стекло.

Челюсти Макса сжались. В глубине его зрачков вспыхнуло что-то темное, властное и опасное. Он сделал шаг вперед, почти вплотную прижав ее к деревянной стойке лесов. Ева почувствовала его дыхание на своей щеке - ровное, обжигающее.

- Вы смелая женщина, Ева. Или просто не умеете вовремя остановиться.

- Я профессионал, - ровно ответила она, не отводя взгляда и заставляя свое сердце биться в нормальном ритме вопреки панической волне тепла внизу живота. - Вы наняли меня спасать подлинник, а подлинники требуют честности, даже если правда портит вам фасад.

Макс смотрел на нее еще несколько секунд. Его взгляд скользнул по ее шее, задержался на ключицах, спрятанных под воротом свитера, и снова вернулся к глазам. Уголок его рта едва заметно дрогнул.

- Завтра в восемь утра здесь будет стоять реактив для пробных смывок и спектрометр, - произнес он тем же невозмутимым тоном, но голос звучал на полтона ниже. - Ключ от комнаты на комоде в холле, ужин подадут в семь. Не опаздывайте, я не люблю, когда остывает мясо.

Он развернулся и зашагал к выходу. Звук его шагов растаял в лабиринте коридоров.

Ева шумно выдохнула, прислонившись спиной к шершавой стойке лесов.

- Отлично, - прошептала она себе под нос, чувствуя, как дрожат кончики пальцев. - Холодный, высокомерный тиран с манией контроля. Классика жанра.

Она наклонилась, открыла саквояж и достала небольшой зонд из хирургической стали. Подойдя к центру стены, Ева аккуратно подцепила краешек серой штукатурки там, где трещина была глубже всего.

Крошечный кусочек отвалился, обнажив миллиметр нижнего слоя.

Ева поднесла фонарик. Вместо ожидаемой блеклой охры или святого лика из темноты на нее глянул фрагмент обнаженного человеческого бедра, написанный с такой пугающей, плотской реалистичностью и насыщенным кармином, что у нее перехватило дыхание. А прямо под ним - тонкая, свежая царапина, пахнущая современным терпентином.

Кто-то уже трогал эту стену и этот «кто-то» явно плевал на правила мистера Фабера.

Глава 2. Пигмент на голой коже

Утро пахло сырой штукатуркой, крепким черным кофе без сахара и надвигающейся бурей.

К восьми часам обещанный Максом спектрометр действительно стоял у подножия лесов - новенький, в ударопрочном кейсе, словно только что доставленный спецрейсом из ЦЕРНа. Рядом аккуратным штабелем выстроились реактивы: дистиллированная вода, этиловый спирт высшей очистки, аммиачные смывки и диметилформамид. Педантичность старшего Фабера пугала почти так же сильно, как и восхищала.

Ева натянула рабочие перчатки из тонкого нитрила, подобрала волосы на затылке деревянной шпилькой и поднялась на второй ярус лесов. На ней были плотные джинсы, испачканные за годы практики всеми возможными растворителями, и свободная хлопковая майка на тонких бретелях. В зале было прохладно, но через полчаса кропотливой расчистки по спине уже струился пот.

Она включила переносную галогеновую лампу. Желтый луч безжалостно обнажил рельеф стены: миллионы микротрещин, вздутия краски, солевые выпоты.

Ева аккуратно смочила ватный тампон в слабом спиртовом растворе и коснулась темного пятна, замеченного вчера. Осторожное круговое движение. Еще одно. Слой вековой копоти и позднего лака неохотно поддался, обнажая чистый, невероятно сочный пигмент - киноварь, замешанную на яичном желтке.

- Знаешь, в чем твоя главная ошибка, реставратор?

Голос прозвучал не снизу. Он раздался прямо над ее ухом: хриплый, насмешливый, ленивый и совершенно чужой.

Ева вздрогнула, скальпель в ее пальцах дернулся, едва не вспоров авторский грунт. Она резко обернулась, едва не потеряв равновесие на узкой доске настила.

На соседней балке, свесив босые ноги в пустоту, сидел мужчина.

Лицо - пугающая, почти зеркальная копия Максимилиана. Те же резкие скулы, фамильный прямой нос, четкая линия подбородка. Но если Макс казался высеченным из полированного гранита, то этот человек был сделан из огня, ртути и скверного характера.

Его темные волосы были спутаны, словно он только что выбрался из чужой постели, ворот льняной рубашки расстегнут до середины груди, а на закатанных рукавах и тыльной стороне ладоней темнели въевшиеся пятна жженой умбры и охры. В серых глазах - тех же, что у брата, - вместо арктического льда плясали черти.

- Александр, надо полагать? - Ева выпрямилась, демонстративно убирая скальпель в замшевый чехол. - Или вы предпочитаете, чтобы я упала с трехметровой высоты для более эффектного знакомства?

- Алекс, - он легко соскочил с балки на доски лесов. Настил жалобно скрипнул под его весом. Он даже не покачнулся, двигаясь с грацией голодного леопарда. - А насчет падения… я бы тебя поймал. Хотя, признаю, наблюдать за тем, как ты балансируешь, было чертовски интересно.

Он бесцеремонно подошел ближе, нарушая все мыслимые границы личного пространства. От него пахло льняным маслом, скипидаром, дождем и горячей кожей.

- Вы нарушаете регламент вашего брата, - Ева скрестила руки на груди, пытаясь выстроить хотя бы иллюзорный барьер. - В восемь утра здесь должна быть только я и приборы.

- Брат дрочит на регламенты, графики и несущие конструкции, - Алекс усмехнулся, обнажив ровные белые зубы. - А я предпочитаю жизнь. Ты так усердно скоблишь эту стену, детка, снимаешь слой за слоем, надеясь раскопать какую-то великую истину. А там нет ничего, кроме старой пыли и чужих комплексов.

- Это называется исторической ценностью, Алекс. Искусство требует уважения, а не дилетантского цинизма.

- Искусство требует страсти, - парировал он, сделав еще шаг. Теперь он стоял так близко, что Ева видела крошечные золотистые крапинки вокруг его зрачков. - Настоящая живопись создается сексом, кровью и живым адреналином. А то, чем занимаешься ты, - это патологоанатомия. Ты препарируешь труп.

- Если этот «труп» стоит миллионы, кто-то должен позаботиться о том, чтобы он выглядел прилично.

Алекс тихо рассмеялся - глубоким, гортанным смехом, от которого у нее предательски заныло под ложечкой. Он полез в карман широких холщовых штанов, достал кусок рисовального угля и блокнот в истрепанной кожаной обложке.

Прислонившись плечом к стойке, он начал быстро, агрессивно чертить по бумаге. Шуршание угля звучало громче шума дождя за окнами.

- Что вы делаете? - нахмурилась Ева, пытаясь вернуться к работе, хотя сосредоточиться под его неотрывным взглядом было физически невозможно.

- Рисую.

- Меня? Я не давала согласия на позирование.

- Я не спрашиваю разрешения, когда вижу то, что хочу запечатлеть, - Алекс не отрывал взгляда от ее лица, его рука двигалась с пугающей скоростью. - Твоя шея. Этот угол наклона головы, когда ты злишься. Линия ключицы, переходящая в плечо… Ты пытаешься казаться мраморной статуей, Ева, но у тебя пульс на сонной артерии колотится так, будто ты пробежала марафон.

Ева вспыхнула. Ярость смешалась с внезапным, острым уколом возбуждения. Ей захотелось вырвать у него этот блокнот, но еще сильнее захотелось увидеть, что именно он там увидел.

- Вы с братом стоите друг друга, - холодно процедила она, поворачиваясь к стене спиной. - Один пытается упаковать меня в смету, второй - в свой черновик.

- Макс хочет тебя упорядочить, - негромко произнес Алекс и в его голосе впервые пропала насмешка, уступив место чему-то темному и тягучему. - Он архитектор. Он видит в женщине фасад, который нужно укрепить и запереть на замок. А я вижу трещины и поверь мне, Ева, трещины - это самое красивое, что в тебе есть. Через них пробивается свет.

Он замолчал, шуршание угля прекратилось.

Ева замерла с тампоном в руке. Ее дыхание сбилось. Она чувствовала его взгляд на своей обнаженной спине, тяжелый, осязаемый, словно прикосновение грубой ткани.

Сзади раздался шорох шагов. Алекс подошел вплотную, его грудь почти касалась ее лопаток.

- У тебя свет падает неправильно, - прошептал он ей на ухо. Горячее дыхание обожгло мочку. - Ты пережигаешь пигмент лампой. Смотри.

Он протянул руку над ее плечом, чтобы поправить металлический плафон. Его предплечье скользнуло по ее голой руке. Кожа у него была сухой, горячей и шершавой.

Ева хотела отстраниться, сделать шаг в сторону, осадить его едкой фразой, но тело отказалось подчиняться. Она застыла, затаив дыхание.

Алекс не стал убирать руку. Вместо этого его пальцы - длинные, сильные пальцы художника - медленно опустились на ее шею. На подушечке его большого пальца оставался след терракотового пигмента.

Он провел им вдоль линии ее челюсти, мягко надавливая на пульсирующую жилку, и опустился к яремной впадинке, оставляя на бледной коже теплый охристый след.

Прикосновение отозвалось внизу живота ослепительной вспышкой. Ева судорожно вздохнула, ее веки дрогнули и опустились против воли.

- Вот так, - пробормотал Алекс и его голос вибрировал у самого ее виска. - Теперь ты часть этой стены, часть этого дома.

Ева резко открыла глаза, сбросила оцепенение и перехватила его запястье. Ее пальцы сжались на его руке, но она с ужасом поняла, что держит его не для того, чтобы оттолкнуть, а чтобы он не убирал ладонь.

- Не смей, - ее голос прозвучал глухо и хрипло. - Ты переходишь черту.

Алекс не сопротивлялся. Он лишь улыбнулся - медленно, торжествующе, глядя прямо в ее расширенные зрачки.

- Черты придумали трусы, Ева. Чтобы было где остановиться, когда страшно идти дальше.

Он плавно высвободил руку, сделал шаг назад и перемахнул через ограждение лесов, легко спрыгнув на каменный пол зала.

Внизу он повернулся, подмигнул ей и помахал блокнотом:

- Краску с шеи не смывай, тебе идет охра. Она делает тебя… живой.

Он растворился в тени коридора так же внезапно, как и появился.

Ева осталась стоять на лесах одна, сердце колотилось в горле. Она медленно подняла дрожащую руку в нитриловой перчатке и коснулась своей шеи там, где горело пятно растертого пигмента. Кожа под пальцами пылала.

А внизу, у дверей зала, бесшумно стоял Максимилиан. Ева не слышала, когда он вошел. Но по его неподвижной фигуре, по побелевшим костяшкам пальцев, сжимавших кожаную папку с документами, и по тяжелому, ледяному взгляду, устремленному на пятно краски на ее шее, она поняла: он видел все.

Глава 3. Чертеж и импровизация

К вос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.